

Чье-то тельце нежилось сейчас в центре хрустально-белой комнаты.

Одного взгляда хватало, чтобы сказать, что с ним что-то не так. Хотя бы потому, что на нём красовалась маска в виде улыбки-смайлика, нарисованная на поверхности лица. Что еще выбивалось из общего ряда, это руки и ноги, которые выходили из молочно-белого одеяния. Хоть сделаны они были искусственно, их явно смастерили из металла.

Это существо — голем, лежало оно в центре помещения.

„Угх, наконец-то я закончила с починкой. Да будь он проклят, этот мальчишка! Как он смеет подкладывать под конец взрывчатку!“ — от голоса веяло юностью и женственностью. Владельца в теле голема, в центре этой самой комнаты, звали Миледи Райзен. Именно она создала Ущелье Райзен (П. П. это я еще поменяю, ущелье действительно лучше, чем «Каньон»), одно из Семи Великих Лабиринтов. Еще она известный Освободитель.

Девушка запрокинула голову к небу и взвизгнула:

-Только попадись он мне на глаза в следующий раз, я ему, гаду, такое задам! — вид её походил на ребенка, устроившего капризный скандал, а теперь эта девушка-голем еще и рвала и метала, молотя по полу в бессильной ярости.

Её мантия кружилась вместе с ней, а выражение на маске скривилось.

При ближайшем рассмотрении, любой мог увидеть, как же обуглилась по краям её мантия, к тому же, теперь её дополнял густой слой соплей. И в её маске виднелась брешь.

Корнем ее нынешних неудач был Хадзиме, причина, из-за которой она так плачевно выглядела. Он первым прошел лабиринт, сотворенный ей. И первое, что он потребовал от нее после победы, это отдать ему все её сбережения.

Она же и так планировала ему дать абсолютно всё кроме тех вещей, что были необходимы для поддержания функциональности лабиринта, но он так упорно стоял на своем, что взял даже их.

Такого не назовешь победоносным завоевателем, скорее просто воришкой. Человек с доброй волей ни за что и никогда не потребует от владельца лабиринта выдать все его сокровища. Так поступают только бандиты.

Естественно, что Миледи пребывала в смятении. В шутку она испытала на нем свой кратчайший путь эвакуации – аналог туалета, и, в прямом смысле этого слова, смысла наглеца из лабиринта. Однако перед самым своим «сливом», мальчонка подкинул ей на прощание пару гранат.

Его гранаты снесли взрывом не только самые глубинные апартаменты лабиринта, но и добрый

кусок её личных покоев. Вся в слезах, Миледи взялась приводить в норму свой драгоценный лабиринтик. Вот только-только закончила.

Она еще немного покричала на Хадзиме для приличия, жалуясь на столь несправедливую месть с его стороны за её (такой безобидный!) розыгрыш над ним. Вообще-то, говоря откровенно, сложно посочувствовать тому, кто таким вот образом вызволяет гостей из родных покоев.

Как только она полностью закончила реставрацию, тишина снова заполнила это место.

Миледи – единственный обитатель этого лабиринта. Расположено оно было глубоко под землей, на самом дне ущелья, которого так избегал каждый. Мрачное место, куда никогда не проникал свет солнца.

Исключая шум отборной ругани Миледи, звуков здесь не было слышно вообще. Она ведь голем, звуки ее дыхания или биение сердца попросту отсутствовали.

Спустя несколько мгновений тишины, Миледи воздела руку к потолку.

Будь здесь свет, её металлическая рука ярко засветилась бы. Этого голема ей создал некто очень дорогой для Миледи. Олицетворение всех их титанических усилий. Это её неорганическая рука очень отличалась от той, которой некогда имела у неё при жизни.

— Подумать только... нашёлся таки кто-то, способный пройти наши испытания... — она стиснула вытянутую ладонь в кулак. Реальность происходящего наконец застигла её. Затем, она бросила взгляд в угол.

Комната, в которой она находилась сейчас, это её спальня. Это означало, что все её вещи хранились именно здесь.

Полка с книгами в углу, куда она взглянула, определённое число картин, оправленных в рамку, выстроенных в ряд вдоль полочек. Давным-давно, один исключительно умелый синергист изобрел прибор, умеющий идеально заснять сцену до мельчайших подробностей и заодно сделать её копию. Изображения, что он им запечатлел, стали подарком Миледи и её величайшим сокровищем.

Миледи подошла к картинам и каждую поочередно рассмотрела, начиная с самого конца. Этот, своего рода обряд, она совершила уже сотни, нет, тысячи раз, но в этот раз, её обузда совсем иная эмоция от привычных.

— Сколько прошло с того памятного дня... День, когда мы потерпели сокрушительное поражение. День, когда мы дали клятву сражаться до конца дальше, несмотря ни на что, показать лучик надежды всем тем, кто обязательно последует за нами по пятам. Это... события

большей давности, чем как минимум несколько столетий. Тысячу? Две тысячи? А-ха-ха, мне больше не припомнить...

Большая часть изображений показывала зрителю молодую девочку. Один раз она стояла в центре города, другой раз её окружала природа и еще один, с ней в главной роли, в безжизненной пустыне. На всех картинках она улыбалась, а люди на заднем фоне улыбались вместе с ней.

Человек, снимавший эти фото как никто другой знал, как лучше поймать эту её лучезарность.

Взор Миледи остановился на одной из этих картин. Изображение с семью личностями стоящих на верхушке холма, за их спиной виден восход яркого солнца.

В одной из них можно было распознать белокурую девочку. Она тянула поближе к себе смущенного мужчину в очках. Рядом с ней высился негиббемый по характеру, но по внешности нежный парень, соблазнительно ухмыляющаяся женщина-дриада, хмурый, лысеющий старик, дагонская денщина (П.П. по лицензии так, но скорей всего, одна из морских обитателей), улыбка которой сияла от торжества момента и наконец, демон, смотрящий на светлую девушку с мягким неодобрением.

— Ребят... Этот час, в конце концов, пробил. Стрелки часов отныне сдвинулись с мертвой точки. Это больше не грезы. Тот путь, что мы избрали... и вправду вымостил дорогу для наших последователей.

Обладай Миледи человеческой обликом, она бы давно уже заплакала. Голос её задрожал и оборвался.

Её пальцы легонько пробежались по изображению очкарика.

— О-кун (О = Оскар). Поверишь ли ты мне? Эти детишки прошли твой лабиринт первым. Он должен был быть наисложнейшим, такой, который стоило бы оставить напоследок. И знаешь что еще? Их лидер — синергист, как и ты. Какое изумительное совпадение, — захихикала Миледи.

— Только вот нрав у него полная противоположность твоему. И всё же, он великолепен. Его артефакты просто безумные. Наверняка он воспользовался техниками оставленными тобой, — она говорила и говорила, пока слова сами по себе не закончились. Переполненная эмоциями, Миледи положила руку к груди.

В конце концов, она повернула голову к последней картине. Это её особенная. Созданная благодаря комбинации диковинных изобретений Оскара и регенеративной способности, что обладал один из ее товарищей. Вместе они довершали картину прошлого. На картине была изображена юная девушка с рыжими волосами. Её украшала форма горничной, а рядом с ней стояла та же белокурая девочка, кроме того факта, что выглядела она моложе. Выражение

потерянности на её лице.

— Всё началось с тебя. Путешествие, которое я унаследовала от тебя, скоро подойдет к своему логическому концу.

У Миледи осталось сил совсем чуть-чуть. У неё хватало заряда наверно настолько, чтобы на полной мощности продержаться в финальной битве, но этого более, чем достаточно. Она готовилась к этому целое тысячелетие.

Миледи украдкой оглянулась. Она всё размышляла о молодом мальчике, покорившем этот лабиринт. И всё-таки, это свершилось.

Она помолилась в полной тишине.

— Да освободятся же люди... - такое одинокое, шедшее из глубин молчания, желание.

<http://tl.rulate.ru/book/997/628508>